

ВИКТОРИЯ ВОЛКОВА

ДНК

ДЛЯ ОЛИГАРХА

Виктория Борисовна Волкова

ДНК для олигарха

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68495491

Аннотация

- Ты станешь моей женой, или я отберу ребенка. Выбирай, – цежу, не скрывая ярости.
- Ты не посмеешь... – дрожат ее губы. – Это моя дочь...
- И моя сестра! – перебиваю порывисто. – Она – наследница трети компании. Я ее опекун. А ты... поверь, лишить тебя родительских прав будет просто.

Содержание

Глава 1. Матвей. Люблюська	4
Глава 2. Кристина. Всего лишь бутылочка пепси	12
Глава 3. Матвей. Это музей?	19
Глава 4. Кристина. Враждебный берег	25
Глава 5. Матвей. Море, солнце, вранье	32
Глава 6.Кристина. В новом доме	39
Глава 7. Матвей. Дорогой папа	45
Глава 8. Матвей. Завещание, мать вашу!	56
Глава 9. Матвей. Предложение	66
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Виктория Волкова

ДНК для олигарха

Глава 1. Матвей. Люблюська

Голова раскалывается от адской боли. Задержав от яркого солнца шторку на иллюминаторе, укладываю затылок на подголовник. Вытягиваю ноги по диагонали. Благо весь ряд выкуплен. Терпеть не могу, когда рядом кто-то трется. Пытается завязать разговор.

Народу в бизнес-классе немного. Какие-то девицы, сидящие наискосок и усиленно строящие мне глазки. Моя охрана, расположившаяся вокруг, как кольца вокруг Сатурна. Бдят. А то, не дай бог, кто покусится...

Морщась, вспоминаю вчерашние жалобные причитания начальника службы безопасности. Конечно, бомба на борту моего личного Боинга – еще тот подарочек. Но пока все охали и обезвреживали, я улетел регулярным рейсом.

Закрываю глаза, пытаюсь сосредоточиться на семейных проблемах. Морщусь от необратимой потери. Отец умер почти полгода назад, а в душе до сих пор клокочет ярость.

Старик, ну как же ты мог?!

Отколол напоследок финт ушами. Вторая семья, гребаная канитель! И внебрачный ребенок. А так как милый папа

оставил весьма странное завещание, то его новые родственники тоже могут претендовать на свою долю в наследстве.

Представляю, как сейчас бесятся мачеха и сестрица. Но меня больше волнуют не бабки, а сам принцип. Ничего из собственности семьи не должно достаться чужакам. Такой уж циничной сволочью я уродился!

Придется поставить папину девку на место. Тут все средства хороши. Красивая мордашка меня вряд ли остановит. Сразу же перед глазами появляется сама угонщица. Длинные каштановые волосы, точеная фигура и глазищи, будто озера. А еще наивная детская улыбка, обезоруживающая любого мужика.

И хватка бультерьера, блин!

Неожиданно наваливается дикая усталость. Погружаюсь в сон, тяжелый и тревожный, словно морок.

А услышав рядом приглушенные голоса, вынырываю из минутного забытья.

– Какая у тебя красивая кукла! Покажешь? – покосившись на меня, спрашивает стюардесса девчонку с хвостиками, невесть откуда взявшуюся в бизнес-классе.

– Да! – радостно кивает ребенок.

Приоткрыв глаза, наблюдаю за малышкой, стоящей невдалеке в проходе и протягивающей игрушку стюардессе.

– Она, наверное, хочет спать? Пойдем к твоей маме, – предлагает бортпроводница, технично выпроваживая девчонку в эконом. – Как зовут твою куклу? – спрашивает

ласково, подталкивая к шторке. Тоненькая гофрированная ткань разделяет людей на касты, и эта преграда подчас выше и крепче Китайской стены.

– Нет, – тараторит девочка. – Люблюська выпалась в автобусе. Мама ее специально в сумку уложила.

Что? Какого хрена?

Люблюська?!

Наше семейное слово! Отец так звал маму, а бабушка – нас, детей.

Словно наяву слышу ее голос «мои люблюськи!», вижу морщинистые руки в перстнях, чувствую запах чуть сладковатых духов.

В чужих устах бабушкино ласковое словечко кажется по меньшей мере кощунством. Будто серпом по всем местам.

Распахнув глаза, ищу взглядом нарушителя спокойствия.

– Простите, девочка уже уходит, – извиняющимся тоном мямлит стюардесса.

– Подождите, – останавливаю ее я. И задаю ребенку самый главный вопрос.

– Ты с кем летишь? С мамой? – улыбаюсь ребенку.

– Да-а, – кивает девчонка, как две капли воды похожая на мою единокровную сестру Аню в этом же возрасте.

– Мама тебя, наверное, ищет уже.

– Нет, она спит, – бесхитростно сообщает малышка и, словно опомнившись, со всех ног бежит обратно в эконом-класс.

От злости сжимаю кулак. Стучу им по подлокотнику. Она здесь. Совсем рядом. За гребаной шторкой, мать вашу!

– Ник, – прошу телохранителя, сидящего впереди меня. – Пригляди там.

Мой широкоплечий крепко сбитый охранник лениво поднимается с кресла и, подойдя к ширме, выглядывает в салон.

– Все в порядке, шеф, – кивает, вернувшись обратно. – В третьем ряду сидят.

– Возьмем их с собой. Стюардесса поможет, – роняю скупо. Закрываю глаза, стараясь справиться с подступившей яростью.

Папина телка здесь, блин! На расстоянии пары метров от меня. За дурацкой ширмой!

Мне нет нужды вставать и выискивать ее среди других пассажиров. Я и так знаю, как она выглядит.

Красивая дрянь, разбившая семью отца. Я даже не берусь судить, каково это – узнать после смерти любимого мужа о его любовнице и внебрачном ребенке. Но моим сестре и маме пришлось вынести и этот кошмар!

В портфеле, стоящем на сиденье около иллюминатора, лежит свежесобранное досье.

Но я и без него помню наизусть каждый документ и смогу при любом раскладе опознать меркантильную наглую дрянь.

Слетаются стервятнички на папино наследство. Кого еще принесет, я не знаю. Но и этой дамы вполне хватает. Пресса примчится, как только пронюхает. Такой скандал, блин!

Но слава богу, мне известно, куда надавить.

Елизавета. Моя малолетняя сестра. Как только подтвердится родство, оформлю на нее опеку. Хотя тут никакие тесты не нужны. Все и так видно невооруженным глазом.

Малышка похожа на моего отца, так же, как и я, Аня или Рома.

Да и милый папа два года назад вошел в отцовство. А он никогда не совершал необдуманных поступков. Разве что, когда женился на мачехе.

Усмехаюсь криво и, как только самолет начинает заходить на посадку, подзываю стюардессу.

– Можно вас попросить?

Миловидная девица тушует. Люди моего ранга редко напрямую беседуют с персоналом. Обычно передают просьбы через помощника. Но тут нужно действовать быстро и умудриться не наломать дров. Ник и Женька на такие переговоры явно не способны.

– Чем могу помочь? – спрашивает, преданно заглядывая в глаза.

– Ракитина Кристина Вячеславовна, мама девочки, с которой я разговаривал. Как только мою машину подадут к трапу, пригласите ее вместе с дочерью на выход.

– Но... – девица хочет отказаться, но не смеет. Трусит, как любой другой на ее месте. Мне давным-давно знакома такая реакция.

– Надеюсь, этот довод поможет, – совершенно спокойно

вкладываю в кармашек форменного жилета пятитысячную купюру.

Много? Но другой налички у меня нет. Ну и ладно! Сейчас на кон поставлено слишком многое. Нет времени жалеть о деревянных.

Нужно дать по рукам, потянувшимся к наследству отца.

Лично меня эта гонка никогда не касалась. Свой первый миллион баксов я заработал в восемнадцать лет. И дальше пошло, поехало. И не объявись вторая семья отца, отдал бы причитающуюся мне долю сестре.

А вот теперь из-за какой-то алчной овцы я вынужден вернуться в родной дом и думать, как же красиво разругать ситуацию.

Самолет резко выпускает шасси и через минуту-другую касается ими взлетной. В экономклассе раздаются аплодисменты.

Идиоты! Ни в одной стране мира никто не хлопает пилоту. Да и он вряд ли услышит за закрытой дверью.

Нанятая мной стюардесса устремляется за ширму. И уже через минуту я слышу мелодичный голос, от которого по телу бегут мурашки.

– Ничего не понимаю, – тараторит папина дурочка. – Нас никто не должен встречать. Это какая-то ошибка.

– Машину подадут к трапу. Нас предупредили, – уверенным голосом заверяет бортпроводница, открывая занавеску.

Сижку спокойно, не подаю вида. Немного наклоняю голо-

ву. Сейчас главное, не испугнуть.

За моей спиной поднимается Жека, а впереди – Никита.

– Добрый вечер, мадам, – усмехается он с легкой издевкой.

– Кто вы такие? Кто вас нанял? – пытается сдать назад папина куколка. – Я буду жаловаться...

– На что? – поднимаюсь с места. – Мои люди не причинили вам вреда, Кристина. Не устраивайте скандал. Не привлекайте внимания.

– Вы! – выдыхает красавица растерянно. Естественно, она узнала меня. Бледнея, прижимает к себе дочку.

– Если уж мы оказались в одном самолете, позвольте предложить вам воспользоваться моей машиной, – улыбаюсь светски.

Покосившись в иллюминатор, наблюдаю, как к самолету одновременно подъезжают трап и папин Мерс.

– Прошу, – киваю на открывшуюся дверь.

Кристина лихорадочно оглядывается по сторонам. Награждает уничижительным взглядом стюардессу, заманившую ее в ловушку. И смиренно следует за мной. Но на полдороге спохватывается.

– Стойте! А наш багаж?

– Отдайте квитанции Никите, – киваю на стоящего впереди охранника. – Он привезет.

Спокойно наблюдаю, как маленькие квитки переходят из тонких пальцев в огромную лапищу Ника.

– Теперь все? Можем идти? – интересуюсь холодно. И когда бывшая любовница моего отца снова берет дочку за руку и шагает к выходу, я как дурак безотчетно пялюсь на упругие ягодицы, обтянутые джинсами. И неожиданно понимаю дорогого папу.

Ох, как понимаю!

Глава 2. Кристина. Всего лишь бутылочка пепси

Я попалась. С самого прилета в Приморск все пошло наперекосяк. И за стюардессой не следовало идти. Но кто же знал, что хрупкая девушка с добрым личиком заведет меня прямо в ловушку.

Матвей Шершнев!

Мне казалось, я знаю о нем все. Как выглядит, чем занимается... Но столкнувшись с этим человеком в узком проходе бизнес-класса, я ошалела от неожиданности.

Похож. Очень. Практически тот же запах парфюма. Табак и сандал... Чтоб им!

Точно такая же фигура и взлохмаченные волосы. Только взгляд другой. Темные строгие глаза кажутся отмороженными. Человек смотрит как бы сквозь тебя отрешенно и холодно, словно тебя и нет рядом.

Спускаясь вниз по трапу, лихорадочно пытаюсь сообразить, как выскочить из ловушки. Если бы была одна, наверное, закатила бы истерику. Но сейчас боюсь. Лиза может испугаться.

И тогда точно Шершнев перейдет к крайним методам. Нельзя давать ему и малейшего повода. Александр Юрьевич предупреждал. И хоть он нас обезопасил, но всего преду-

смотреть явно не смог.

Каждый шаг дается мне с трудом. Ставлю ногу на ступеньку и, оглянувшись по сторонам, стараюсь найти выход. Бесполезно. Пустая взлетная полоса., словно огромная асфальтовая пустыня. Хоть обкричись от безысходности.

Неожиданно подевернувшись, нога соскакивает. Зараза! Чтоб тебя! Сохраняю с трудом равновесие, но проклятое земное притяжение тянет вниз.

Испуганно вскрикивает Лиза.

Не успеваю ничего сказать, как сзади меня подхватывают под локоть стальные пальцы. Не дают упасть, но и не отпускают до распахнутой дверцы авто. Сдерживают, словно живые тиски.

– Прошу.

Вздрагиваю, когда холодный голос раздается прямо над ухом.

– Что стоишь, Лизавета? – обращается Шершневу к моей дочери. – Садись, где тебе нравится...

– У окошка, – бесхитростно заявляет малышка и тут же, вспомнив мои наставления, спохватывается. – А мамочка?

– Мама тоже сейчас сядет, но сначала ты...

Вот ведь гад! Манипулятор!

Дочка радостно заскакивает в просторный салон Мерседеса, пахнувший кожей и прохладный от кондиционированного воздуха. Неохотно сажусь рядом с дочерью. А напротив, на светло бежевом кожаном сиденье, устраивается Шерш-

нев. Дверца захлопывается, перегородка, отделяющая нас от водителя и охранника, поднимается.

– Ты любишь мультики? – невозмутимо спрашивает хозяин авто мою дочь. – На, пощелкай! – совершенно спокойно передает пульт.

Нормальный человек?!

– Вы сначала у меня разрешения спросите, – шиплю негодуя. – А вдруг Лизе нельзя смотреть телевизор?

– Да ну? – черная бровь изгибается саркастически. – Не придумывайте, Кристина...

Посчитав разговор законченным, Шершнев достает из кармана айфон. Что-то читает с улыбкой. Отправляет сообщения. Одним словом, ведет себя так, будто нас рядом нет.

– Попросите водителя высадить нас в центре, – прошу я, с ужасом наблюдая, как за окном мимо проносятся кипарисы и пальмы.

– Я похож на таксиста? – кривая ухмылка ползет по холемому лицу, а внимательные глаза смотрят с хитрым прищуром и затаенной злостью.

Вот только этому я чем не угодила?!

– Куда вы нас везете? – спрашиваю, пытаюсь скрыть испуг.

– Домой, – коротко бросает Шершнев и снова утыкается глазами в сотовый.

– Матвей Александрович, – прошу сипло. – Пожалуйста, объясните, что происходит.

– Да ничего, Кристина Вячеславовна, – холодно бросает

он. Пожимает плечами и добавляет бесстрастно. – Вы приехали. Мы встретили. Едем домой.

– Куда? Зачем? – лепечу, боясь от отчаяния сорваться на крик. – Это похищение. Вы не имеете права!

– Послушай, девочка, – крепкие пальцы больно сжимают мою коленку. – Хватит паясничать. Чем меньше будешь отсвечивать, тем лучше...

– Что вы себе позволяете? – шиплю, пытаясь сбросить руку. Но Шершнев моментально ловит мое запястье.

– Я могу раздавить тебя в два счета, – цедит, не скрывая ярости. – Отобрать у тебя дочку. Ты ведь никчемная мать, Кристина.

– Вы не посмеете, – охаю, до конца не веря в происходящее. – Александр Юрьевич оставил четкие указания по поводу нас с Лизаветой. Вы не имеете к нам никакого отношения!

– Хочешь убедиться в обратном? – свистящий шепот словно вспарывает душу.

– Не-ет, – мотаю головой, лихорадочно соображая, где допустила ошибку.

На наследство покойного Александра Юрьевича мы с Лизой не претендуем. Он меня предостерег. Да мне и в голову не приходило.

Отец Матвея окружил нас заботой. Купил две квартиры, оформив их на Елизавету, и акции стабильно растущих голубых фишек.

Чем я могу помешать семейству Шершневых, и чего они боятся, если вызвали подкрепление в лице Матвея?

– Мамочка, – всхлипывает Лиза. – А куда дядя нас везет? Он нас похитил?

– Все хорошо, малыш, – обняв, прижимаю к себе дочку. Целую в темечко. – Скоро приедем, пойдем на море.

И повернувшись к растерявшемуся на секунду Матвею, бросаю порывисто.

– Потрудитесь объяснить, куда вы нас везете, и, главное, зачем?

– На нашу виллу «София», – светски улыбается Шершневу. Но его улыбка никак не затрагивает глаз, внимательных и бесстрастных.

– Зачем? – ухаю, будто сова. Чувствую, как от напряжения становятся влажными ладони. – Я возражаю.

– Это решать не вам, Кристина Вячеславовна. Сейчас не до ваших хотелок. Это понятно?

– Нет, – упрямо мотаю головой. – Объясните, пожалуйста...

– Потом, – морщит идеальный нос Шершневу. – Не трепыхайся, девочка, – добавляет с издевкой. – В нашем доме тебе ничего не угрожает. А Лизе тем более...

– Я так не считаю. Высадите нас в городе... Пожалуйста, – заявляю храбро, но миролюбиво.

– Продолжай в том же духе, и я признаю тебя недееспособной.

Ойкаю от возмущения. Мой страх мгновенно передается дочке. Пусть она не совсем понимает, о чем говорят взрослые, но раскаленная до предела обстановка в машине испугала ребенка.

Всхлипывая, Лиза всем тельцем льнет ко мне.

Уничижительным взглядом давлЮ сидящего напротив мужчину. Но на него, похоже, это не действует.

– Лиза, это все ерунда, – весело отмахивается ШершнеВ. Лезет в бар и, демонстративно достав стеклянную бутылочку пепси, показывает ее ребенку. – Будешь?

– Да! – не долго думая, вскрикивает Лизавета.

– Держи, – как заправский бармен, ШершнеВ открывает крышку и, кинув в узкое горлышко голубую трубочку, ласково протягивает напиток Лизе.

Фигуристая бутылочка переходит из рук в руки. Дочка шумно тянет темную газировку. Отними я сейчас пепси, буду врагом надолго.

Впрочем, этого и добивается Шершень!

– Я бы попросила на будущее... – выговариваю негромко.

– Угомонись, Кристина, – словно от надоедливой мухи, отмахивается от меня Матвей. – Ты же умная девочка?

Холеная ладонь снова ложится на мою коленку. Сжимает несильно. А у меня захватывает дух. Сразу перед глазами встает другая картинка.

Похожий мужчина... Отец моей дочери... Задыхаюсь от возмущения и воспоминаний. Но ШершнеВ принимает мой

шалый вздох за другие проявления чувств.

– Мы с тобой договоримся, – усмехается криво и, убрав руку, отворачивается к окну.

Глава 3. Матвей. Это музей?

Машина плавно съезжает с трассы и, проехав немного по узкой извилистой дороге, ныряет в неприметные зеленые ворота.

Частная территория. Несколько вилл, выходящих прямо к морю. Свой пляж, тишина, красивая территория, спланированная опытным ландшафтным дизайнером. Но, честно говоря, я не люблю «Софию» и ее обитателей, хотя приходится приезжать довольно часто.

Здесь все напоминает о моей матери. Да и сама вилла названа в честь нее. В душе давным-давно застыла саднящая рана. Со временем я смирился с самой главной потерей в жизни. Потом и с гибелью брата. И не люблю, когда глупые воспоминания тревожат душу.

На крыльцо выбегают Инна, моя мачеха, и сестрица Анька. Радостно пляшут на подъезжающий Мерс.

«Сюрприз-сюрприз, мои дорогие», – думаю, не скрывая злорадства. И если к сестре я еще испытываю родственные чувства, то мачеха для меня давно – пустое место.

Машина медленно останавливается прямо перед ступеньками. И сразу из нее как по команде выскакивают водитель и охранник. Жека привычным жестом распахивает дверцу. Выхожу сам и на автомате подаю руку Кристине.

Чувствую, как влажные пальцы слегка касаются моей ла-

дони и в этот момент будто на секунду получаю удар под дых от странного, давно забытого ощущения. Мгновенного приступа счастья.

Мда-а, мадам, если от одного прикосновения к вам у мужиков сносит крышу, то что говорить о большем!

Всматриваюсь в бледное девичье личико. Кристина явно напугана, но виду не подает. Отдергивает руку, словно от прокаженного.

Погоди, девочка, еще умолять меня будешь...

– Это Кристина и Лиза, – немного придя в себя, представляю вторую семью отца первой.

Конечно, только мне могло прийти в голову поселить всех под одной крышей.

Но мне простительно. Я же циник, не понимающий элементарных человеческих чувств. Тем более после смерти отца всеми активами управляю я. Трастовыми фондами – тоже. Поэтому мало кому придет в голову закатывать мне истерики.

Не потерплю.

– Как ты мог? – шипит Инна, как только я подхожу к ней. Притягивает меня к себе. Слегка касается моей щеки сухими губами.

– Так проще, ма, – роняю мимоходом, не желая ничего объяснять. Клонув напудренную морщинистую щеку, ободряюще хлопаю старушку по спине. Обнимаю Аньку, прыгнувшую мне на шею.

Дом. Милый дом, твою мать!

– Кристина, – окликаю застывшую около машины красавицу. – О чем мечтаешь? Добро пожаловать домой, – замечаю с ухмылкой.

Девушка вскидывает голову. Медлит минуту, другую. Внимательно разглядывает столпившихся на крыльце людей.

Естественно, ни к ней, ни к малышке никто не кидается с радостными воплями. Инна и Анька смотрят на неожиданных гостей враждебно, а прислуга – настороженно.

Я не знаю, какие мысли бурлят в маленькой башке с болтающимися мелированными прядками, но одно ясно: наша новая родственница прикидывает план действия и, что-то надумав, храбро поднимается по лестнице вместе с дочкой.

Киваю Алексу, нашему управляющему, на приближающихся женщину и девочку, прошу.

– Посели в правом крыле.

Мачеха с Анькой как по команде удивленно вскидываются. Поджимают губы в понимающей гримасе. В правом крыле мои апартаменты и кабинет.

– Меньше встреч, крепче нервная система, – усмехаюсь, заходя в дом.

Огромный холл, выполненный в стиле борокко, поражает с первого раза. Но меня эта красота не трогает давным-давно.

Слышу сзади сдавленный возглас Кристины и тоненький голосок Лизы.

– Мама, это музей?

«Я приехала в музей покупать себе друзей, – приходит на ум детская присказка. – Только здесь, детка, ты друзей точно не обретишь...»

– Нет, милая, это дом, где жил твой папа, – объясняет ребенку Кристина, а мне хочется только за одно упоминание об отце оторвать ей голову.

– Багаж, как привезут, поднимут вам в комнату, – перебиваю девицу. Взмахом руки показываю на лифт, примостившийся среди статуй и пальм.

– Сюда, пожалуйста.

– Нам бы вполне подошла обычная гостиница, – недовольно пыхтит Кристина, вместе с дочкой заходя следом.

– Поверьте, здесь не хуже, – усмехаюсь снисходительно. – Море, солнце, песок, – ни с того ни с сего ляпаю фразочку из старого анекдота.

И злюсь сам на себя за безрассудство. Какого эта девица на меня так действует? И самое главное, за каким хреном я велел поселить ее рядом с собой?

В интимной близости, твою мать...

Естественно, я любому навешаю лапшу на уши про безопасность, но самому себе давно предпочитаю не врать.

Не потому, что в принципе не тяготею к брехне. Могу и наместить пурги, если вынуждают обстоятельства. Просто обманываться на свой счет себе дороже.

Да, черт побери, я хочу эту женщину! И при первом удоб-

ном случае затыну в койку. А если еще удастся лишить мерзавку причитающихся ей денег, то сам себе выдам приз. Куплю Астон Мартин последней модели.

Порадую свое раздутое суперэго.

Краем глаза замечаю, как услужливая горничная распахивает дверь гостевой комнаты. А сам, даже не попрощавшись, сворачиваю за угол в свои апартаменты. Улыбаясь, иду через длинный коридор. Слышу, как сзади, чеканя шаг, спешит Жека.

– Командир, – окликает он меня, как только за нами закрывается толстая дубовая дверь. – Кажись, наша краля поселилась в спальне, смежной с твоей. Так задумано?

– Если девушка предложит, я никогда не откажусь, – хмыкаю самодовольно и, закинув портфель в первое попавшееся кресло, выхожу на балкон. Лениво разглядываю море, плещущееся у самого берега, и гору, отделяющую виллу от остального мира. Тянусь, млея от накотившей радости.

– Хорошо-то как, господи!

А вернувшись в комнату, прошу Жеку.

– Свяжись с нотариусом. Когда там срок оглашать завещание? И попроси Алекса не устраивать ритуальных кормежек. И так всем тошно.

Пройдя в спальню, лениво стягиваю пиджак, расстегиваю запонки и, стащив сорочку и брюки, оглядываю комнату.

Ветер словно паруса теребит белые шелковые шторы, а вазы на тумбочках и комоде ломаются от свежесрезанных роз.

Тяну носом чуть уловимый аромат, а взгляд уже прикован к большому зеркалу в позолоченной раме.

В комнате Кристины такое же. Стоит лишь нажать на потайной замок, и зеркала превратятся в дверь, с давних пор соединяющую обе спальни.

Руки чешутся нажать на золотой завиток и открыть дверцу. Да еще «парень» в боксерах подзуживает.

– Давай, пойді к ней...

– Угмонитесь, ребенок в комнате, – приказывает всем моим органам здравый смысл. – Еще рано. Игра только начинается.

Глава 4. Кристина. Враждебный берег

В ушах стучит от накатившей ярости, и сердце ухает, как сумасшедшее. Вот нормальный человек этот Матвей? Просто выкрал нас с Лизой из самолета и привез в дом Александра Юрьевича. А тут его жена... дочка...

Стыдно-то как, господа!

Прижимаю ладони к горящим щекам. Всего лишь на мгновение вспоминаю наш разговор с Сашей.

– Они не узнают, – уговаривал он меня. Приводил железобетонные доводы. И я согласилась.

Вытираю слезы, стоящие в глазах и растерянно оглядываю номер, то есть гостевую спальню. Никак в голове не укладывается, что вот так запросто дала обвести себя вокруг пальца. Шершневу даже никаких усилий не приложил. За ручку придержал, дверцу в машину открыл. А дальше я сама... Все сама...

Вот же овца, слов нет!

Вытираю вспотевший лоб, стараясь сохранить хоть видимость спокойствия. Ни в коем случае нельзя показать Лизе, что я волнуюсь.

Мгновенно считает!

И хоть в душе ругаю себя за слабую волю и неумение ска-

зять «нет», но, натянув на лицо улыбку, наблюдаю за дочерью.

— Ма-а-а-м-а, как тут красиво! — поет она, кружась по комнате. — А мы тут будем жить? Всегда? Всегда-всегда? — в наивных глазиках плещется радость.

Сказать «да» очень просто, но что делать потом? Как объяснить ребенку, что мы живем в другом мире, где нет вседозволенности и огромных денег, еще никому не принесших счастья.

«Ты сама виновата, — пеняет внутренний голос. — Отказалась бы ехать с Шершневым. Ничего бы он тебе не сделал. Нужно было закричать в самолете или вернуться на место. А ты... как всегда... тряпка!»

— Мы тут в гостях, Лиза, — останавливаясь перед огромным зеркалом, роняю я. Вглядываюсь в усталое лицо. Синяки под глазами, волосы сосульками висят, нужно срочно мыть голову. Зато Шершневец красавец! На нем перелет никак не сказался.

Инстинктивно прижимаю руку к локтю и будто снова ощущаю на нем пальцы Матвея. Потом медленно и нежно касаюсь ладони.

И будто наяву вижу рядом другого человека, точно таким же привычным жестом берущего меня за руку.

К горлу подступает тошнота, а внизу живота скручивается узел. Непривычно как-то! За последние четыре года впервые.

– Мама! – раздаётся Лизин голос почему-то с улицы.

Со всех ног несусь на балкон и в ужасе замираю в дверях.

Моя шустрая дочка просунула голову между столбиками балюстрады и пытается вылезти наружу, протискивая маленькое плечико.

– Лиза, что ты делаешь? – охаю я, оттаскивая малышку от ограждения. С ужасом смотрю вниз.

Второй этаж? На лифте мы поднимались на третий. Но в любом случае падение вниз грозит ребенку увечьями или гибелью.

Невесело разглядываю море и бассейны, расположившиеся неподалеку.

Мы в мышеловке! Дверца захлопнулась!

– Давай спустимся на море, – предлагаю я, желая хоть на время увести Лизу из этой ужасной комнаты. Одни сплошные опасности для маленького ребенка.

Кованые стулья на террасе. Красиво, но можно пораниться об углы или опрокинуть на себя. Напоминающий накинутый платок стеклянный стол – вообще угроза жизни! Плазма, стоящая на комоде – тоже! Я уже не говорю про санузел со стеклянной дверцей душевой.

Комната, да и, наверное, сам дворец Шершневых не приспособлены для маленького ребенка.

«Стоп! – останавливаю саму себя. – Это прекрасный способ съехать отсюда. Задерживать точно никто не станет».

А Матвей Александрович наверняка не сразу узнает.

Вздыхаю, вспоминая пристальный взгляд темных глаз. И неожиданно вздрагиваю, когда раздается стук в дверь.

Мне он кажется набатом. Но беру себя в руки. Наверное, привезли багаж.

Распахнув дверь, пропускаю в комнату горничную с чемоданом и моложавого лысого мужика. Кажется, к нему обращался Матвей, требуя поселить нас в правом крыле.

– Эта спальня не подходит для ребенка. Никакой защиты, – выговариваю я, строго всматриваясь в голубые, почти бесцветные глаза.

Алекс слушает меня внимательно и сокрушенно мотает головой.

– Простите, Кристина Вячеславовна. Мы не знали, что вы остановитесь у нас. Конечно, мы все поправим... А вам лучше провести время у бассейна или на пляже. Надеюсь, за пару часов наш персонал справится... Настя вас проводит, – кивает он миловидной девушке.

Спустившись вниз, мы с Лизой сразу устремляемся к морю. Паника и страх исчезают куда-то, стоит ощутить под ногами песчаное дно и почувствовать, как лодыжки омывает теплая вода. Носимся с дочкой друг за другом, плещемся и смеемся от охватившей радости.

Поймав на себе взгляд, вздрагиваю. Поворачиваюсь на автомате. Полуслепыми от яркого солнца глазами обвожу белоснежную виллу. И не сразу понимаю, что у нас с Лизой появился зритель.

Матвей стоит на балконе в одних шортах и беззастенчиво глазееет на нас... на меня...

А я в мокром полупрозрачном платье кажусь себе голой.

«Не трусь, – подначивает меня внутренний голос. – Пройдись к лежаку от бедра. Сними эту дурацкую мокрую тряпку и ляг на шезлонг. Оставь нахального Шершня без представления».

Хорошо бы...

– Ура-а! Тут есть дети! – кричит моя дочь и устремляется прямиком к какому-то мальчику, вышедшему с няней на берег из ворот соседней виллы.

– Меня зовут Лиза! – подбежав, начинает знакомиться она. – А тебя как?

Белобрысый мальчик смотрит на мою дочь удивленно, а нянька не скрывает враждебности.

– Ты откуда тут взялась, девочка? Уходи! Уходи! Пошла вон отсюда! – орет она, мотая головой по сторонам. А заметив меня, грубо повелевает. – Убирайтесь, сейчас же. Здесь частная территория. Таким, как вы, тут не место... Я сейчас охрану позову.

Обалдев от наглости и хамства, во все глаза смотрю на женщину в годах. Короткая стрижка, строгое лицо. Видимо, какой-то заслуженный педагог или завуч на пенсии. Вот как она безошибочно определила?

Тряпки вроде на нас с Лизой брендовые...

Как поняла, что мы из другой реальности?

Сглатываю обиду. Вопросов не задаю. И взяв дочку за руку, пытаюсь отвести малышку к нашему шезлонгу.

– Пойдем, котенок, – беру за руку поникшую дочку. И развернувшись, натыкаюсь на крепкую мускулистую фигуру.

Матвей, чтоб ему!

Сейчас начнет любимую лекцию про никудышнюю мать...

– Привет, Эльер! – обращается Шершневу к соседу, напроць игнорируя няньку.

– О, Матвей, привет! – улыбается ребенок, мгновенно из биоробота превращаясь в веселого мальчика. Солидно тянет руку взрослому мужику, а Матвей на полном серьезе ее пожимает. А потом, приобняв Лизавету, представляет пацаненку.

– Знакомься, Эльер. Это Лиза. Моя родственница. Она теперь живет с нами.

– Привет, – наконец-то обращает пацан внимание на мою дочь. – Я буду строить замок. Хочешь со мной?

– Давай, – весело соглашается Лиза.

Вместе с Матвеем отхожу в сторону. Сажусь на шезлонг в нерешительности.

– Мы приехали в гости, Матвей Александрович, – пытаюсь быть строгой, выговариваю хозяину виллы. – Не стоит людей вводить в заблуждение.

– Тут вы, пожалуй, не правы, – хрипло роняет он. Окидывает меня хищным взглядом, от которого хочется зарыться в песок по горло.

Пальцы Матвея внезапно сжимаются на моем запястье, а по лицу пробегает мрачная ухмылка.

И каждое слово бьет барабанной дробью, заставляя внутренне сжиматься.

– Лиза – Шершнева и, как и любой член семьи, обязательно должна находиться под охраной. Круглосуточно. Девочке лучше жить в резиденциях семьи, или я отправлю ее в элитный пансион. Выбирай, какой вариант тебе больше нравится?

Глава 5. Матвей.

Море, солнце, вранье

Матвей

Резко поднявшись с шезлонга, в два шага оказываюсь у кромки воды. Лениво захожу в море и, надев очки для плавания, делаю несколько глубоких вдохов. Сразу ухожу на глубину, чувствуя себя абсолютно в своей стихии.

Вот только сегодня море не радует. И я точно знаю, кого благодарить за это.

Кристина!

Бесит меня нереально эта девица. Прямо по голове хочется настучать.

Злюсь на себя... В который раз за последнее время? Не могу сказать, что я зол. Это не злость, а самое настоящее бешенство. Почему в присутствии этой женщины я веду себя как набитый дурак? Какого решил угрожать ей?

Кристина выводит меня из себя. Поселилась в моих мыслях, зараза! Какого фига я несусь вниз по лестнице! Представляю ее и Лизавету соседскому мальчишке...

Веду себя как идиот!

Кстати, нужно не забыть поговорить с Яриком. Пусть по-

ставит прислугу на место. Что-то нянька у него рассобачилась. Неумная она какая-то... Кто бы впустил на территорию посторонних? Откуда бы они тут взялись?

Конечно, у нас тут не необитаемый остров. Но приватность обеспечена полная. Папе в свое время удалось оттяпать в частную собственность труднодоступную бухту и прилегающую к ней территорию. Вместе с отцом Ярика мой Александр Юрьевич умудрился снять с приглянувшейся земли статус заповедной зоны, провести сюда отличную дорогу и уговорить нескольких близких друзей построить именно здесь загородные виллы. Так и появился наш хуторок, затерянный между морем и горами. Провели необходимые коммуникации. Поставили свою маленькую подстанцию, насосную, качающую из-под земли артезианскую воду, и вышку Мегафона. Ну, куда без него?

Иногда к нам забредают какие-то бородатые грязные парни. Туристы, мать их. Но наша поселковая охрана умудряется отловить эту шелупень на подходе к хутору и в принудительном порядке вывезти в цивилизацию.

Выныриваю на поверхность и, проморгавшись, перевожу дух. Вот это я заплыл! Поднимаю на лоб очки, стараясь хоть немного насладиться широкой гладью моря, сливающегося с горизонтом в единое целое. Вдалеке тонкой полоской виднеется суетливый Приморск с его толчеей и грязными пляжами.

Туда, что ли, собиралась Кристина отвезти Лизавету?

Странная девица! И в голове каша. Или рассчитывала на курортный роман. А тут такой облом!

Стиснув зубы, широкими махами загребая пласты воды, фонтанами вышвыривая их на поверхность. Словно птица взлетаю над водой, а потом снова подныриваю.

Почувствовав легкую усталость, разворачиваюсь к берегу. Ложусь на спину. Раскинув руки и ноги в стороны, упираю взгляд в синее небо.

Хорошо-то как, господи!

Или нет? В этот раз что-то раздражает, не дает расслабиться. Пытаюсь отогнать дурацкие мысли, но все равно неотвязно думаю о Кристине.

Бесит она меня... Аж сил нет!

Неожиданно представляю ее голой в моей постели... на черных простынях и моментально чувствую движение в плавках. Мой наглец оживает. Только этого сейчас и не хватало!

Тут речь идет о миллионах баксов, а я размечтался...

И о ком, мать ее...

Резко переворачиваюсь. Снова как дурак гребу баттерфляем к берегу, мысленно подгоняя себя голосом тренера.

– Шершневу? Что плывешь, как гуано по Енисею? Четче движения! Одной ногой гребешь, инвалид?

Усмехаюсь, невольно вспоминая Николая Ивановича, пацанов по сборной. Лишь на секунду отвлекаюсь от назойливых размышлений.

Но тут же торможу, переходя на более спокойный стиль. Вглядываюсь в узкую полоску пляжа, надеясь различить на нем маленькую фигурку Кристины.

Моя головная боль преспокойно сидит на шезлонге и с кем-то переписывается в телефоне.

Нужно дать поручение охране отработать все контакты. Нежелательные заблокировать и поставить программу слежения на айфон.

Рядом с Кристиной в песке копошатся дети, нянька носит воду в детском ведерке.

Сплошная идиллия! Только меня она не касается.

Подныриваю, решая проверить, есть ли мидии около Паруса – высокого камня. Подплыв поближе, разглядываю ряды черных плоских раковин, прижавшихся друг к другу.

Ешь, не хочу – называется.

«Нужно завтра с утра в маске поплыть, глянуть, – вынырнув, рассуждаю азартно, словно мальчишка, и тут же одергиваю себя. – Кому они нужны, эти мидии? Чилийские крупнее и вкуснее. Наверняка, у повара морозилка затарена первосортным товаром».

Покосившись на берег, с изумлением замечаю Ярика, прямо в костюме и кожаных туфлях шагающего по пляжу.

Наблюдаю, как к отцу со всех ног несется Эльер. Прыгает с разбегу. А сосед, подхватив сына, весело смеется. Тонкие ручки обвивают накачанную шею. Эльер наскоро целует отца в щеку и тут же спрыгнув, спешит обратно строить замок.

Занятный пацаненок. Хотел бы и я себе такого же...

А со своего места неуверенно поднимается Кристина. Во все глаза смотрит на прекрасную мужскую особь, появившуюся в ареале обитания.

Самка, блин!

Улыбается, будто знакомому.

Но и мой дорогой сосед, заметив новых действующих лиц в нашем зоопарке, делает шаг навстречу. Подходит близко, почти вплотную. Но Кристина не отстраняется. Наоборот, что-то радостно тараторит.

Стерва!

Да и Ярик расслаблен и спокоен. Мне не видно его лица. Но голова слегка наклонена на бок, а руки уже взлетают раскрывая объятия. Да и Кристина тянет к нему свои ручки-веточки.

Короткие обнимашки... смех...

Стоп! Наш сосед знаком с Кристиной?! Откуда, черт побери!

Сказал бы кто-нибудь, не поверил! Но, скорее всего, моя догадка верна. Эти двое точно общались ранее. Тесно общались...

Интересный поворот.

Стискиваю челюсти, когда пальцы Ярика слегка касаются предплечья Кристины. Жест скорее дружеский и ободряющий, лишенный сексуального подтекста. Но меня перекрывает не по-детски.

Какого хрена?!

А куда смотрит моя охрана? В досье точно никакой инфы нет. Внутри закипает злоба. Дикое безбашенное чувство, от которого хочется разнести все кругом. Дать выход гневу, ни с того ни с сего затопившему душу.

Твою же мать...

«Дыши, Шершнев! Пока в глазах не потемнеет», – снова вспоминаю фразочки незабвенного тренера. Нужно хоть узнать, как он там. Деньжат подбросить, что ли?

Развернуться бы сейчас и отмахать еще соточку. Но как ни дыши, силы уже на исходе. Лениво гребу к берегу, издалека наблюдая за сладкой парочкой.

Кристина что-то рассказывает. Но даже отсюда мне видны опущенные плечи и понурое личико. Наверняка на что-то жалуется. А Ярослав Торжецкий, великий адвокат и бабник, внимательно слушает и сильно напрягается. Этого типа я знаю сто лет. И пусть остальным кажется, что ничего не происходит, язык тела никто не отменял. Расслабленные до этого момента плечи снова становятся каменными. А сам Ярик теперь больше похож на хищника, а не на довольного жизнью папашу.

Он скупно кивает. Раздумывая, достает из кармана визитницу и по-свойски протягивает Кристине белый клочок картона.

Твою мать! Мне только этого не хватало!

Выискался защитничек сирых и убогих!

Или это какой-то план? Непохоже.

Подплываю ближе. Перехожу на шумный баттерфляй.

«Не ждали, котятки?» – усмехаюсь мысленно, краем глаза замечая, как Кристина торопливо кидает визитку в пляжную сумку.

И выйдя на берег, падаю на первый попавшийся лежак.

– Как водичка, Мэт? – ехидно интересуется соседushка.

– Обалденная, – отвечаю с усмешкой и добавляю равнодушно. С Кристиной вы уже познакомились?

– Да, – весело врет Торжецкий. – Сразу как только вышел на пляж.

Глава 6.Кристина. В новом доме

– Мажем, ты баттером сотку не проплывешь? – фыркает Шершнев, подхватывая из рук телохранителя белоснежное полотенце. Вытирает лицо, затем волосы и внимательно смотрит на Ярослава.

Но того такие подначки мало волнуют.

– Я и полтос не протяну. Сдохну, – усмехается он добродушно. – Куда мне до тебя, морское чудовище?

Прячу улыбку. Если Матвей увидит, скандала не избежать. Повернувшись к Лизавете, делаю вид, что наблюдаю за детьми. А саму так и тянет посмотреть, как по крепкому мускулистому телу сбегает капли воды.

Матвей в мокрых шортах, прилипших к мощным бедрам, кажется древним богом, сошедшим на Землю.

Отвожу глаза в сторону. Нельзя так откровенно пялиться на чужого мужика. Конечно, он до боли напоминает своего... родного... Но это точно не повод.

Шершнев с Ярославом лениво подкалывают друг друга. А я, как обычно, в мужской компании чувствую себя неудобно.

– Мамочка, я кушать хочу, – неожиданно сообщает Лиза. «Когда ребенок ел в последний раз? В самолете?» – мысленно хватаюсь за голову. И где тут можно перекусить?

– Жека, проводи, – лишь на секунду оторвавшись от разговора, кивает Матвей охраннику и снова внимательно слу-

шает Ярослава, рассказывающего о капитализации активов и наблюдательном совете.

Вроде по-русски говорят, но я ни слова не понимаю. Ну и не надо! Подумаешь!

Подхватив сумку, беру Лизу за руку.

Светски прощаюсь с Ярославом и маленьким Эльером.

Пока. Пока.

Телохранитель Шершнева предупреждает кого-то по ра-
ции.

– Леди хотят есть, Макс.

Леди... Это мы с Лизаветой.

Вслед за Жекой поднимаюсь по широким ступеням, мощенным кусками мрамора, и, попав в просторное патио, с удивлением смотрю на уставленный приборами стол и подбегающего официанта.

– Что желаете? – услужливый мужчина в годах церемонно помогает нам с Лизаветой сесть. Протягивает листок А4. Бегло просматриваю. Сегодня в меню значатся два супа, несколько видов мясных блюд и гарниры. О салатах и закусках молчу.

– Простите, Кристина Вячеславовна, – кается официант. – Мы не успели подготовиться. Детское меню будет к вечеру. А сейчас от всей души рекомендую супчик с брокколи и котлетки из индейки. У нас вся продукция своя. С фермы.

– Хорошо, – изумленно киваю я. – А куриный бульон у вас есть?

– Конечно-конечно, – заверяет меня официант.

– Тогда нам бульон и котлеты, – решаюсь я и, заметив, как в патио входит бледная Инна в черном развевающемся платье, поспешно встаю из-за стола. – Мы вернемся через пятнадцать минут. Лизе нужно искупаться...

Лихорадочно хватаю сумку. Беру дочку за руку. И натыкаюсь на надменный взгляд и презрительную усмешку госпожи Шершневой. Она проходит к другому столу. Садится нога за ногу так, что в разрезе шифоновых полотен виднеется белая ляжка. Закуривает сигарету и что-то велит официанту. Тот со всех ног бежит исполнять. А мы с Лизой поднимаемся наверх в нашу комнату и, распахнув дверь, замираем на месте.

Все свободное пространство гостевой спальни заставлено игрушками. Огромная двуспальная кровать вынесена, и на ее место поставлены две кровати поуже. Над одной установлен легкий шифоновый полог, который венчает корона. А вторая застелена красивым покрывалом.

Плазма прикручена к стене. Белые комоды, заменившие темный шкаф, тоже появились.

– Мамочка, гляди, какие игрушки! – восхищенно тянет Лизвета, со всех ног кидаясь к пупсу, сидящему на детском кресличке. – А вот домик Барби! Помнишь, ты мне такой покупать не хотела...

– Сначала в душ, – предупреждаю я, мысленно закипая.

Кто и почему без моего разрешения накупил всю эту гору игрушек!

Шершнева! Кто же еще!

— Лиза, — строго зову дочку.

А она ноет жалостливо.

— Ну мамочка-а!

Будто не слыша стонов, захожу в ванную. И сразу замечаю новую дверцу на металлическом каркасе. Медленно включаю воду, стараясь прийти в себя, и не могу. За каких-то пару часов стандартную гостевую комнату превратили в настоящую детскую.

Кто бы ни был этот человек, я не чувствую к нему благодарности. Эта детская, заполненная игрушками и красивой мебелью, говорит только об одном.

Я в полном игноре. Никто не собирается считаться со мной. И мнение матери ребенка тут никому не интересно.

Лиза номинально наследница, а здешним миром правят большие деньги.

— Мамочка, — дочка подбегает ко мне. Обнимает за ногу. Прижимается щекой к бедру. — Эти игрушки, конечно, красивые, но какие-то неродные. Люблюська в сто раз лучше этого пупса нарядного, понимаешь?

Лиза возмущенно отводит ручонку в сторону. Взмахивает ей, всем своим видом показывая возмущение.

— Давай песок смоем. Спустимся, пообедаем, а потом решим, что с этими игрушками делать...

— Мебель и посудку можно оставить. А пупса и дом Барби отдадим другому ребенку. Для одного слишком много, —

рассуждает дочка, раздеваясь и становясь под душ. Намылив руки гелем для душа, веду ладонями по маленькой спинке и животику.

Мой родной человечек! Самое драгоценное, что есть в жизни. Никому не позволю отобрать. Буду до последнего вздоха бороться.

Немного позже, переодеваясь в майку и шорты, я лихорадочно размышляю, что предпринять. Я не могу оставить, как есть, эту выходку. Если проглочу, в следующий раз сядут на голову.

Что там Матвей говорил про закрытый пансион? Этот гад любит угрожать при каждом удобном случае. Но Ярослав обещал помочь... Хоть кто-то тут свой оказался.

Так ничего не решив, вместе с Лизой спускаюсь в патио. Она прижимает к себе свою любимую куклу и что-то там приговаривает тихонечко. А до меня долетают отдельные слова.

– Я тебя не брошу... Люблюська моя дорогая...

Совсем как я.

В патио нас уже ждет накрытый стол. Из небольшой супницы официант чинно разливает суп. Показывает Лизавете на профитроли в виде домиков и грибков.

– Повар для вас расстарался, маленькая леди...

Дочка хихикает, и я вместе с ней. И не сразу замечаю, как к нашему столу подходит Матвей. В белых льняных штанах и такой же рубашке он больше похож на героя бразильско-

го сериала. Темные мокрые волосы зачесаны назад, в глазах полыхает пожар, а губы растянуты в искусственную улыбку.

– Не помешаю? – учтиво спрашивает он, по-хозяйски усаживаясь за стол. И ни капли не интересуясь ответом, поворачивается к официанту.

– Мне стейк, Миша. Медиум велл. Салат и кофе. Ну, ты знаешь...

– Конечно-конечно, Матвей Александрович, – поспешно кивает официант и со всех ног мчится на кухню.

«Ему бы ролики не помешали», – усмехаюсь мысленно.

– Как тебе твоя комната, Елизавета? – добродушно спрашивает Матвей, ожидая похвалы и благодарности.

– Мне не понравилось! Я хочу спать с мамочкой рядом, а не на чужой кровати. А еще моя Люблюська испугалась пупса и ни за что не захотела оставаться в комнате, – храбро заявляет Лиза и авторитетно кивает на лежащую на коленях куклу.

– Даже так? – нахмурившись, усмехается Матвей и добавляет тихо, так, чтобы слышала одна я. – Ты специально ребенка подговорила? Зря.

Глава 7. Матвей. Дорогой папа

– А что не так? – спрашиваю, не скрывая усмешки. – Нам казалось, ребенок должен обрадоваться. Если, конечно, его не настроить против. Это все ваше влияние, Кристина...

– Как вы смеете! – вскидывается она. На глазах появляются слезы. И мне на короткий момент становится жаль эту женщину. Девочку я все равно отберу. Пусть даже не надеетсяя.

«И Ярик тебе не поможет, красавица, – думаю, ощерившись. Вспоминаю, как пять минут назад я открыл зеркальную дверь. Вошел в царство игрушек и преспокойно достал из сумки визитку. Маленькая лахудра даже не потрудилась ее спрятать. За что и поплатилась.

Хе-хе-хе...

...– я – мать ребенка, – продолжает гнуть свое Кристина. – И вы просто обязаны со мной советоваться, прежде чем предпринимать какие-то действия относительно Лизы. Если бы вы подарили ей одну куклу, поверьте, было бы достаточно. А целая комната игрушек ее сначала обрадовала, а потом вызвала отторжение.

– Конечно, – киваю я, замечая, как у девицы в руке дрожит вилка. Нервничает. И правильно делает. Бойся меня, зараза!

– Впредь обязательно, – устало киваю я. Слежу взглядом за Мишей, несущимся с подносом ко мне, и, вдохнув запах

свежепожаренного мяса на минуту забываю о проблемах.

Отвлечшись на стейк, лениво разрезаю его ножом. Для меня это всегда ритуал и таинство. Никогда не угадаешь, что ждет тебя внутри. Внимательно смотрю на степень прожарки. Лишь в самом центре виднеется розовое пятно. Идеальный мидл велл.

– Спасибо, – кивком головы отпускаю застывшего рядом Михаила. И когда он отходит в сторону, роняю небрежно.

– После обеда встречаемся у меня в кабинете. Я вызову нашего доктора для беседы, – сообщаю, прожевав маленький кусочек мяса.

Повар немного переборщил со специями, но в целом я доволен прожаркой.

– Зачем? – тут же вскидывается Кристина. – Мы совершенно здоровы.

– Доктор обязан составить ваши личные карты. Это наш семейный врач. Очень высокой квалификации. Нужно знать, есть ли у девочки аллергия или другие заболевания...

– Хорошо, – уныло соглашается Кристина. – Я пообщаюсь. Но только не в вашем присутствии, Матвей Александрович.

Ого! Да это вызов! Прекрасно! Люблю соревнования. А перетягивание каната – мой любимый вид спорта. Всю жизнь в нем упражняюсь.

Только у тебя силенок не хватит, девочка!

– Не вопрос, – заверяю ворчливо и добавляю вкрадчиво. –

То есть ты уже приняла решение, Крис? Остаешься здесь? И больше не будешь считать себя гостьей в этом доме?

— А кем? — вскидывается она. — Приживалкой? Тут я точно не хозяйка...

— Хочешь ею стать? — спрашиваю ехидно и внимательно смотрю за реакцией.

— Нет, спасибо.

Короткий взмах головы, и девицы утыкается носом в свою тарелку.

Время светской беседы истекло, пора переходить к активным действиям.

— Ты любишь собак? — спрашиваю у Лизаветы, гоняющей по тарелке профитроль в виде грибка.

— Да! — вскрикивает она радостно. — Очень! Только мама не разрешает заводить.

И тут же поникает под укоризненным взглядом матери.

— У нас тут есть несколько собак, — заговорщицки сообщаю ребенку. — Они живут в специальных вольерах.

— А зачем? — пытливо интересуется малышка. — Если они живут отдельно, то никто их не приласкает, не обнимет. И кто у них хозяин?

Смышленная девочка! Гораздо умнее своей мамы. Чувствуется Шершнева порода.

— Мы можем сразу после обеда сходить к вольерам. Посмотришь на взрослых собак и щенков, — улыбаюсь я и, отхлебнув сока, наталкиваю на недовольный взгляд Кристи-

ны.

– Вы с нами? – спрашиваю насмешливо. – Или отдохнете в номере?

– Мы с Лизой вместе, – заявляет решительно. Упирается в меня негодующим взглядом.

Ну-ну, позыркай на меня, девочка!

– То есть вы идете в комплекте? – шепчу в маленькое розовое ушко, церемонно помогая Кристине выйти из-за стола. Чувствую тепло ее тела и борюсь с желанием запустить руку под белую майку, болтающуюся на худеньких плечиках.

Кристина дергается, как от удара.

– Да как вы смеете? – шипит змеей и, взяв дочку за руку, хочет увести в спальню.

– Мама, дядя обещал показать собак! – напоминает ребенок. И моя пленница кивает со вздохом.

Не хочет расстраивать ребенка.

По дороге к вольерам, идущей в тени сосен, я с улыбкой наблюдаю за Лизой, пританцовывающей чуть впереди. Ей нет дела до взрослых. И маленький человечек просто радуется жизни. Напевает какую-то дурацкую песенку.

– Наварила каши манной!.. Я буду до обеда в ней медленно тонуть!

– Зачем тебе ребенок, Крис? – поворачиваюсь к незадачливой мамаше. – У тебя все еще впереди. Оставь девочку семье. Ей тут лучше будет. А сама устраивай новую жизнь. Погуляй от души. Поезжай в путешествие. Найди горячего

парня. А я тебе помогу. Денег дам на первое время.

– Вы с ума сошли, – трясет она головой. В глазах застывают слезы. – Лиза – моя дочь. Только моя! И ваше предложение – это просто дичь какая-то! Он рассказывал мне о вас... И считал редкой гнусью, идущей по головам... – остановившись посреди дороги, выкрикивает последние фразы.

– Кто? – словно получив удар под дых, хватаю девчонку за руку.

– Лизин отец, – отрезает Крис, вырываясь. На всех парах спешит к застывшей посреди аллеи дочери. Ребенок внимательно смотрит на нас, стараясь считать эмоции.

– Уже за поворотом вольеры, – машу рукой вперед. И когда мать с дочерью устремляются вперед, неторопливо бреду сзади.

Не догоняю. В прямом и переносном смысле.

Дорогой папа и с того света умудрился вклеить мне леща. Обсуждал меня со своей телкой. Говорил гадости. А я всю жизнь лез из кожи вон, пытаюсь заработать его уважение и доверие. Выходит, зря старался.

Кристина. Может, он нормальный человек?

Еле сдерживаюсь, чтобы не нагрубить. Саша предупреждал о старшеньком: опасная редкая сволочь.

Нужно как-то выбираться из этого рая. Приду в комнату, первым делом позвоню Ярику. Пусть поможет незаметно уехать. Слишком душно здесь, на вилле «София»...

– Мамочка, – прерывает мои размышления Лиза. – Ты

устала?

– Ни капельки, – улыбаюсь через силу. Хотя сейчас впору разреветься от отчаяния и бессилия. – Давай в лова! Чур я вожу! – предлагаю я малышке.

И когда она резво бежит вперед, топчусь на месте. Но краем глаза заметив приближающегося Шершнева, бегу догонять Лизу.

– А-а, – кричит она весело. – Ты меня не поймаешь!

– Догоню-догоню! – бегу следом.

Лиза оборачивается проверить, далеко ли я. На абсолютно гладкой и ровной дороге маленькая ножка попадает на круглый камень. Но ребенок все еще продолжает движение по инерции. Нога подворачивается, не чувствуя опоры. И Лиза падает на покрытую тырсой дорожку.

– Нужно смотреть под ноги, – выговариваю я, кидаясь к ней. Встаю рядом на колени. Целую лоб, прижимаю к себе вздрагивающее от рыданий родное тельце.

– Дай посмотрю, что там с ножкой? – прошу дочку и, рассматривая ссадину на коленке, кошусь на приближающегося Матвея.

– Что случилось? – рывкает он, присев на корточки. Его лицо оказывается рядом с моим. И от такой опасной близости перехватывает дыхание. Я даже родинку вижу на скуластом суровом лице. В глаза бросаются губы. В меру пухлые. Будто очерченные тонким пером.

О господи, о чем я думаю!

– Нужно вызвать врача! – строго заявляет Шершнев. – Может быть перелом или сотрясение...

– Если только у вас, – несмело роняю я. Этот тип выводит меня из себя. Ничего не могу с собой поделать! – Это просто ссадина, – замечаю сердито.

И достав из кармана бутылочку воды, припасенную с обеда, лью воду на ранку.

– Вы хоть соображаете, что делаете? – рявкает Шершнев. – Ребенку нужно оказать квалифицированную помощь. А вы...

– А у меня медицинское образование, – выдыхаю, осторожно ставя Лизу на ноги. – Где болит, солнышко? Можешь идти?

– Неоконченное, – с усмешкой бросает Матвей, будто я не в универе училась, а в школе для дефективных. – Девочке нужно в больницу. Сделать рентген.

– Мамочка, – еще пуще начинает реветь Лиза. – Я не хочу. Ножка почти не болит...

Смотрит жалостливо. И всхлипывает больше от безысходности, чем от боли.

– Нет, милая, никакой больницы, – заявляю решительно и, поднявшись на ноги, оглядываюсь по сторонам.

Чахлый кустик подорожника я замечаю чуть поодаль. Быстро кидаюсь к нему и, сорвав парочку годных листиков, бегу обратно.

– Что это? – в ужасе взирает на меня Матвей.

– А вы в детстве никогда не прикладывали подорожник к ранам? – спрашиваю насмешливо. Промываю листочки остатками воды и тот, что побольше, прилепляю к ссадине.

– Нет, бог отвел, – ошалело бормочет Шершневу и во все глаза смотрит на меня.

Будто сожрать готов, честное слово!

– Мне вас жаль, – бросаю ворчливо. Сколько раз в детстве мы так лечили раны. Лишь бы домой не заходить!

Достаю из кармана носовой платок и, обвязав его вокруг коленки, весело команду.

– Все, первая помощь оказана! Можем идти дальше.

– Вы уверены? – недоумевающе тянет Матвей. – Лиза, ты можешь идти? Не больно? Голова не кружится?

Боже, какой дурак! Ну конечно, больно, но моя дочка, хоть и цветочек аленький, однако не самое нежное растение.

– Очень больно, – печально вздыхает Лиза.

– Давай я тебя отнесу, – предлагает Шершневу и уже руки тянет к моей дочери.

Провокатор!

– Нет, только мамочка! – капризно отталкивает его Лизавета. Обвивает мою шею ручонками. Кладет голову на плечо.

– Нужно вернуться домой и вызвать врача, – настаивает на своем Шершневу.

– Вы обещали нам собак, – напоминаю я, поднимаясь вместе с Лизой. Чувствую, как широкая ладонь ложится мне на талию.

В этом жесте нет ничего сексуального. Элементарная поддержка. Но кровь приливает к лицу, а низ живота на короткий миг сводит от желания.

– На ферме есть аптечка, – кивает Матвей.

– И ветеринар, – ни с того ни с сего ляпаю я.

Матвей мрачно косится на меня. Воспринимает мою шутку как недостаток воспитания. Молчит, а потом заявляет непререкаемым тоном.

– Сейчас вызову гольф-кар...

– Нам еще далеко идти?

– Нет, уже за поворотом – вольеры.

– Тогда лучше на гольф-каре вернуться домой, – огрызаюсь я.

И с ужасом замечаю, как ехидная усмешка расплзается по лицу Шершнева.

– Я очень рад, Кристина, – замечает он, не скрывая сарказма.

– Чему? – тяну в недоумении.

– Домой, Кристина, – ухмыляется Матвей. – Мне приятно, что вы образумились и считаете виллу своим домом. Быстро сдались. Хвалю.

Отворачиваюсь негодуя. Нет смысла спорить с этим ужасным человеком. И заметив появившихся на холме собак, шепчу на ушко Лизе.

– Мы пришли, солнышко. Вон собачки нас встречают...

– Где? – оживляется Лизавета. – Мама, какие они краси-

вые! – тянет восхищенно.

– Они не опасны? – поворачиваюсь к Матвею.

– Только для посторонних. Сейчас наши кинологи познакомят вас. Это необходимо, Кристина, чтобы собаки не причинили вред тебе и малышке. Но сначала посмотрим на щенков. У нас недавно появилось потомство у лабрадора.

– Вы еще и собак разводите? – бросаю ехидно и тут же прикусываю язык.

– Ничего я не развожу, – морщится раздраженно. – Тильда живет в доме и должна хоть один раз познать радость материнства. Вот и свели...

«Хватит с ним пререкаться, – предостерегает меня голос разума. – Все равно проиграешь. Держись подальше!»

– Смотри, мамочка! Собачки! – радостно восклицает Ли-за и с придыханием повторяет. – Собачки, мои любимые!

Спустив дочку с рук, с улыбкой разглядываю забавных плюшевых щенков шоколадного цвета, копошащихся под ногами.

А рядом с лежанки за нами наблюдает потревоженная мамаша. Усталая и нервная.

Матвей подходит к ней.

– Тильда, – присев на корточки, ласково треплет ее за уши. – Девочка моя. Как ты тут?

С изумлением наблюдаю, как холеный рафинированный бизнесмен в порыве чувств целует собаку в нос. А она облизывает его лицо широким розовым языком.

«Значит, в нем осталось хоть что-то от нормального человека, — думаю я с надеждой. — Может, получится уговорить? Попросить отпустить нас. Он же нормальный человек. Должен понять!»

Глава 8. Матвей.

Завещание, мать вашу!

На обратном пути Лизавета весело болтает ногами и тараторит о щенках. Даже забыла о больной коленке. Нужно все-таки показать девочку врачу.

От чего еще отмахнулась малохольная мамаша? Надо сделать УЗИ всех жизненно важных органов. А то с этой Кристиной можно всего ожидать.

Мне даже хочется ее встряхнуть. Заставить думать здраво. Но, видимо, не в коня корм. Странный безответственный человек.

Непроизвольно кошусь на малышку. Она точно Шершнева. Тут сомнений быть не может. Так же, как и отец, морщит нос, и разрез глаз его.

Трудно поверить в происходящее. Вот эта маленькая девочка – моя сестра? Серьезно?! Та же степень родства, как и с Анькой. Твою ж мать!

Удивил ты меня напоследок, дорогой папа. Так или иначе, но выпускать ребенка из своего поля зрения я не намерен.

Девчонка ловит мой внимательный взгляд и смущается. Зарывается носом в бок матери. Та успокаивающе прижимает ее к себе и что-то шепчет на ушко.

Отворачиваюсь, не желая пугать малышку. И в который

раз поражаюсь этой удивительной близости. В моей семье точно такой не было!

Сумрачно кошусь на накачанную спину Жеки, уверенно ведущего гольф-кар по извилистой аллее. Снова исподволь разглядываю Лизу. Меня неудержимо тянет ее рассматривать. Находить наши фамильные черты. Но взгляд почему-то с маленького личика съезжает на миловидное лицо ее матери. Скользит ниже и останавливается на груди, едва проступающей из-под широченной футболки овер-сайз.

Это не одежда, а братская могила какая-то! Напрочь скрывает женщину под этими модными шмотками. Нафига, скажите, пожалуйста?!

Опускаю глаза на стройные бедра в широких шортах и ровные в меру накачанные голени.

Спортсменка и красавица? Ну-ну...

Бездумно шарюсь по фигуре сидящей напротив женщины и снова залипаю на груди. Все, что надо, я уже видел на пляже. Теперь мне хочется сорвать эти дурацкие тряпки и...

Подняв глаза, натыкаюсь на сердитый взгляд Кристины. Еще немного, и проглотит!

Усмехаясь, смотрю прямо в глаза. Не собираюсь играть в поддавки и миндальничать. Тут я вожак стаи. Привыкай, девочка!

Давлю взглядом. Покорись, а не то пожалеешь.

Кристина фыркает возмущенно и сдается первая. Вижу, как чувственные губы неслышно выводят «идиот». И готов

расхохотаться в голос.

Я тебе покажу, милая, кто из нас идиот, а кто нет. Если хочешь войну, я ее тебе организую.

Наблюдаю, как щеки Кристины заливаются алым цветом. И она, чтобы скрыть растерянность, наклоняется к дочери.

– Как твоя ножка? Не болит?

– Нет! – радостно возвещает Лиза. – Мне щенки помогли. Знаешь, мамочка, какие они целебные! Давай к ним каждый день ходить!

Кристина неохотно смеется. Улыбаюсь и я. А когда гольф-кар останавливается около крыльца, выхожу первым. Вынимаю малышку из машины и, поставив на землю, подаю руку ее матери.

– Это лишнее, – смотрит та на меня в упор. А в глазах полыхает огонь.

– Всего лишь вежливость, Кристина Вячеславовна. А не то, что вы подумали, – добавляю с сарказмом.

Девушка вспыхивает как спичка. Заливается краской.

Твою мать, ей тоже хочется?! Правда?

Это хорошо. Еще одна точка, на которую можно надавить.

– Где ты был? – выскакивает на крыльцо Аня. – Звоню тебе, звоню...

– А ты у меня в черном списке, – как ни в чем не бывало замечаю я. – Еще с зимы, если помнишь.

– Я думала, ты простил, – растерянно блеет сестра. – Мы же вроде помирились, Матвей?

– Да, – киваю добродушно. Кошусь на Кристину и Лизу, избегающих по ступенькам. – Что случилось? – интересуюсь небрежно. И уже хочу зайти в дом, чтобы вместе с девчонками подняться в лифте, как ладонь сестры собственнически ложится на мою руку.

– Подожди, – настойчиво просит Аня и шепчет заговорищицы. – Маме удалось подкупить секретаря нотариуса. Она читала дело и даже сфотографировала завещание. Сейчас мама угощает ее чаем в патио. Ждем тебя.

– Я вам зачем? – морщусь недовольно. Ненавижу эту самодеятельность. Инна по дурости сейчас таких дров наломает. Потом за год не разгребу. – Пришли мне скрин. И номер карты осведомителя. Я расплачусь и проанализирую...

– Спасибо, бро! – тянется ко мне Аня. Целует в щеку и быстро бежит обратно в дом. – Только ты меня удали из ЧС! – кричит в дверях.

– Конечно, милая, – киваю коротко и, зайдя в холл, разочарованно смотрю по сторонам. Кристина с Лизой уже уехали.

А буквально через минуту получив скан трех жалких страничек, забываю о брачных играх.

Лихорадочно листаю скрин на ходу. Есть о чем подумать, гребаная балалайка!

И войдя к себе в кабинет, подстреленной тушей падаю на диван. Есть что обмозговать. Снова перечитываю скупые строчки.

Ожесточенно тру лицо, сминая нос.

Александр Юрьевич Шершнев слыл, конечно, большим оригиналом, но мне и в голову не приходило, до какой степени. Вчитываюсь в каждое слово и готов выдрать все волосы на башке.

Инне отец завещал библию. Усмехаюсь, представляя лицо мачехи. А все наследство отец поделил между своими детьми. По трети каждому. Мне, Лизе и Аньке. Ничего особенного! Вот только управлять всем этим гребаным паровозом поручено мне. Иначе мы с Анной лишимся своих долей, и они отойдут Лизавете. Нормальный поворот?

Прости, дорогой папа, но я не согласен!

Тру лоб и темечко, пытаюсь сообразить, как поступить дальше. Кристина при любом раскладе увезет от нас Лизу. Во всяком случае, попытается... Тогда значительная часть состояния сразу окажется под угрозой. Эта недалекая курица может от лица дочери продать долю или назначить своих аудиторов. А это еще страшнее.

Квалифицированный специалист найдет все папины маkli с налогами и сдаст нас с потрохами. Схемы отца давно не выдерживают никакой критики. Но и исправлять их и платить налоги по полной я не желаю. С какого хрена, скажите, пожалуйста!

Матвей. Реальная угроза

– Можно? – в кабинет заглядывает Инна.

– Заходи, ма, – киваю я, нехотя поднимаясь с дивана.

Добро пожаловать в семью, называется. Картина маслом.

Мачеха скромненько садится в первое попавшееся кресло. Явно наша милейшая Инна рассчитывала на что-то по-существеннее библии.

Задумываюсь лишь на секунду: почему именно библия? И сразу же отмахиваюсь от глупых размышлений. Мой папа любил выпендриться. Вот и решил хайпануть перед смертью. Знал прекрасно, что ни я, ни Анька, не оставим мать на паперти.

Я не питаю к Инне нежных родственных чувств. Но как мачеха она меня совершенно устраивает. Не лезет в мои дела. И в детстве относилась к нам с Ромкой так же, как и к Ане. Особых различий не делала. Дети остро чувствуют классовое разделение.

– Матвей, сыночек, нужно что-то решать, – причитает она, строя из себя бедную родственницу.

– Что, ма? – спрашиваю, усаживаясь на диване. Закидываю ногу на ногу. Чешу затылок, пытаюсь сообразить, к чему клонит мачеха. Нет у нас вариантов против папиной бывшей. Придется выкупать долю или жениться на этой заполошной девице. Удочерить Елизавету, тем самым если не вернуть на-

следство, то установить контроль над нашей собственностью.

Но все упирается в Кристину. Вряд ли мне захочется жить с ней до гробовой доски. Рожать детей и стариться вместе.

Но, по всей видимости, придется. Чем-то этот вариант смахивает на пожизненное...

– Какие есть идеи? – внимательно смотрю на мачеху.

– Давай их закажем, – решительно предлагает Инна. Смотрит на меня заговорщицки.

Не сразу врубаюсь, что имеет в виду мачеха. С минуту пялюсь на нее ошалело и глазам своим не верю.

Твою ж налево, гребаные зайчики!

И эта женщина считает себя леди? Это она имеет диплом педагога и обязана учить детей доброму и вечному. А на деле? Все так просто... Давай закажем... Как обед в ресторане!

Ради гребаных бабок загубить две жизни? Каким монстром нужно быть?

– Ты хорошо подумала? – спрашиваю, стараясь сдержаться и не наорать на старую дурищу.

– Конечно, – надменно заявляет Инна. – Нет человека, нет проблемы.

Приводит жуткую цитатку, от которой меня пробирает мороз.

– Ты с ума сошла, – говорю медленно. Мысленно перемежаю речь самыми грязными ругательствами. – Я бы тебе не советовал. Напорешься на ментов, сядешь надолго. Я точно передачи носить не буду. И Ане запрещаю.

– Вообще-то, – обиженно перебивает мачеха. – Я надеялась на тебя.

– Простите, – переспрашиваю, на секунду лишаясь дара речи. – С какого хрена, мадам?

– Ну как же, Мэт, – вздыхает она. – Ты влиятельный мужчина. У тебя полно всяких знакомых. Найдешь киллера, и все будет чики-пуки.

– Не знаю, где ты нахваталась этих премудростей, – морщусь, пожимая плечами. – Но, дорогая моя, ты меня с кем-то перепутала. С Доном Корлеоне, например.

Вижу, как по лицу мачехи пробегает гримаса, превращая красивую женщину в уродину.

«Ты отказался, а она найдет кого-нибудь», – тихо нашептывает внутренний голос. Сразу перед глазами встают Кристина с Лизой. И сердце сжимается от охватившего ужаса. Эта сволочь точно кого-нибудь наймет. Отыщет через даркнет. Много ума не надо. Были бы бабки!

Видимо, не зря отец подарил Инне библию. Он лучше знал характер любимой.

Как же ее остановить, господи?

Думай, Шершневу, думай! Шевели шестеренками!

От лихорадочных мыслей на лбу выступает испарина.

– Аня знает? – спрашиваю, стараясь оттянуть время и найти хоть какой-нибудь выход.

– Нет, конечно, – вскидывается мачеха. Нервно постукивает идеальными ноготками по кожаному подлокотнику. –

Анечка у нас девочка ранимая. Она верит в тебя. Знает, что ты разрулишь ситуацию в нашу пользу.

Свет меркнет от безысходности. Как можно убить человека из-за денег? А ребенка?

– Я смотрю, тебе понравилась эта Кристина? – презрительно бросает Инна. – Честная давалка. Мужики на таких клюют. Ничего не понимают в истинной красоте.

Я прекрасно знаю, что последует дальше. Мачеха начнет петь песни великой Анькиной красоте и просить найти ей хорошего мужика. Вот только понятие о хорошем у нас разные. Впрочем, как и о морали и вечных ценностях.

– Допустим, – киваю коротко и понимаю, что особого выбора у меня нет. Есть только единственный вариант обезопасить папину дочку. Жениться на ее матери. Вот только согласится ли она? Придется уломать.

– Все гораздо проще, ма, – заверяю лениво. – Я планирую жениться на Кристине и сохранить наши активы в семье. Это самый простой вариант. Поэтому советую унять разыгравшееся воображение и заняться подготовкой к свадьбе.

– Ты с ума сошел, – негодуя фыркает мачеха. – Занимайся сам. Спасай наши денежки!

Она величественно поднимается из кресла. Ну словно королева с трона. С прямой спиной направляется к выходу.

А я, выскочив на балкон, пытаюсь продышаться.

– Эх, папа-папа, какой же ты дурдом устроил со своим завещанием. Все предусмотрел, да? Вот только теперь мне

придется спасти твою любимую женщину и малышку. Чего ты добивался таким раскладом?

Услышав всплеск воды, на автомате выглядываю вниз с балкона. Лизавета плещется в маленьком детском бассейне. А рядом на лежаке расположилась Кристина. Мне не видно ее целиком. Только узкую щиколотку и ступню, по которой так хочется провести пальцами.

Быстро сбегая вниз, на ходу придумывая план действий. Хотя, если честно, вперед под венец меня ведет не разум, а хроническое воздержание.

«Ну, хоть celibat закончится», – усмехаюсь, направляясь к ничего не подозревающей Кристине. И подойдя почти вплотную, бросаю нарочито строго.

– Нужно поговорить.

Глава 9. Матвей. Предложение

Над морем медленно опускается солнце, окрашивая берег и воду в мягкие полутона. Тот самый золотой час, который так любят фотографы.

Но для меня меркнет свет. Как объяснить Кристине о нависшей опасности? Я точно не решусь. Да и кто бы смог.

– Почему Лиза в бассейне? У нее открытая рана? – спрашиваю негодуя. Все-таки Кристина нерадивая мать. – Так позагорать захотелось?

– Там всего лишь ссадина. Все обработано и опасности не представляет. Тем более ваши сотрудники заверили, что бассейн чистый.

– Ну если так, – сдаюсь без боя. Я вообще-то не за этим пришел. – Есть разговор, Кристина, – бросаю коротко.

– Назначьте время, поговорим, – растеряннo замечает она.

– Сейчас, – рыкаю нетерпеливо.

В нашей родной богадельне слухи разносятся быстро. И у стен есть уши. Такие огромные как у слона. Поэтому лучше надавить на девчонку сейчас и вырвать у нее согласие на брак. А там дело техники. Но мое имя должно ее обезопасить.

Грохнуть папину телку – возможно для Инны и святое дело. Но покуситься на мою собственную семью весьма чревато.

– Я не могу, – кивает Кристина на дочку. – Давайте попозже встретимся. Когда Лиза уснет...

– Запомни, милая, – говорю, не скрывая усмешки. – Я очень занятой человек. И если я назначаю встречу, ее обычно не переносят. Твое время сейчас. А за девочкой присмотрят, – киваю на Жеку с Никитой, маячущих сзади.

– Ладно, – Крис со вздохом надевает халат. Запахивает легкие, почти воздушные полы. А я как последний идиот плясую на аккуратные холмики груди и накачанный животик.

– Что вы хотите? – вздыхает девица, как только мы садимся около барной стойки. Место выбрано неслучайно. Наш маленький бар не просматривается из окон. Наблюдатели и свидетели мне сейчас не нужны.

– Жениться на тебе, – выпаливаю без всяких вводных. – Хочу обезопасить тебя и Лизу. Ты же понимаешь всю опасность ситуации. Как только вскрыется завещание, твоей спокойной жизни придет конец. Тебя будут осаждать репортеры, мошенники всех мастей. Начнешь переживать из-за Елизаветы. Она сразу станет желанной добычей... А чем заканчивается киднеппинг ты в курсе... Я же обеспечу тебе и ребенку полную защиту.

– Это какой-то бред, – шепчет Крис, прикрывая ладошкой рот. – Мы живем в другом мире и не имеем никакого отношения к вашему... – упорствует она. Но я перебиваю на полуслове.

Я легко могу отобрать у тебя дочку. Ты же никудышная

мать, – бросаю небрежно.

– Подонок! – бьется она, стараясь вырваться из захвата. – Что тебе нужно?

– Наследство моего отца должно вернуться в семью, – каждым словом разрезаю воздух. – Выйдешь за меня замуж и передашь мне управление активами. Брак не будет номинальным.

– А если я не хочу? – она поднимает на меня глаза, полные слез.

– Я не спрашиваю, а выдвигаю требования, – роняю холодно. – Соглашаться или нет, тебе решать. Но девочка в любом случае остается в семье. Она- Шершнева. Я думаю, тест покажет высокий результат.

– Тест? – изумленно смотрит на меня Кристина.

– Трубочку, из которой пила Лиза, я отправил в лабораторию. Официальное заключение будет уже сегодня.

– Вы не имели права, – в ужасе выдыхает она. Интересно, чего так испугалась? Где-то я надавил на болячку и сам не понял.

– Ты даже не представляешь, девочка, предела моих прав и возможностей. По большому счету его просто нет. Поэтому, советую перестать выделываться и согласиться на мое предложение.

– Мне нужно подумать, – шепчет она и на всех парах спешит к бассейну, где с кругом плавает Лиза.

Беги-беги, куколка! Далеко не убежишь. – Я лениво смот-

рю вслед и никуда не думаю уходить. Знаком подзываю Михаила, крутящегося неподалеку.

– Как обычно, Миш.

И пока наш бармен-официант в определенной последовательности смешивает водку с ромом, серебряную текилу и джин, я как зачарованный гляжу, на Кристину. Моя будущая жена наиграно весело возится с дочкой в бассейне.

Непредсказуемая девица! Похоже, наш предстоящий брак не будет скучным!

Кристина. Внимание, тревога!

Наша комната после возвращения с собачьей фермы встречает нас первозданным видом. Широкая кровать посередине, прикрученная к стене плазма и устойчивый деревянный стол, на котором сидит пара кукол и лопоухий заяц. Никаких домиков Барби и кроватей с коронами. Только лишь горничная тщательно пылесосит ковровлин.

– Ой, я не успела, Кристина Вячеславовна! – причитает она.

– Ничего страшного, мы погуляем, – успокаиваю ее поспешно.

Но возвращаться к морю не хочется.

Но как только устраиваемся около бассейна, снова приходит Матвей и угрожает. Даже слова не дает сказать в защиту. Упрямо гнет свое.

Нужно уезжать и как можно быстрее. Сбежать в Москву

или в Питер. Там нас найти будет труднее.

Ярик обещал помочь. Пусть вывезет. Больше ни о чем его не попрошу.

Вернувшись в номер, лихорадочно перерываю сумку. Визитки нет. Испарилась!

Ну что я за дура такая! Почему не спрятала сразу. Тут столько народа прошло. Даже не знаю на кого думать. Горничные, рабочие, переставлявшие мебель. Может, и сам Шершнев заглянул.

С него станется!

– Почитай мне! Пожалуйста, – просит Лиза. Радостно подпрыгивает около чемодана, лежащего на низкой полке.

– Сейчас, родная, – киваю, потянувшись за ним. Но мой багаж кажется непривычно легким. Открываю судорожно. Так и есть! Ничего!

Чувствую, как меня накрывает бешенство. От одной мысли, что кто-то посторонний рылся в наших вещах, сами собой сжимаются кулаки. Что искали? Зачем? Дурдом какой-то!

Подскакиваю рывком и, выскочив за дверь, натыкаюсь на горничную. Теперь она вытирает пыль с золоченных рам написанных маслом картин.

– Настя, а куда делись мои вещи? И кто позволил открывать чемодан? – спрашиваю вроде спокойно, но внутри все клокочет от ярости.

– Так это обычная практика, – отвлекается от очередного

завитка Настя. – У нас порядок такой. Всем гостям разбираем багаж и в гардеробной укладываем. А уж хозяевам тем более. Пойдемте, Кристина Вячеславовна, я вам все покажу.

Прикольно, конечно! Но я так жить не привыкла.

В гардеробной Настя открывает ящики комода и створки шкафа.

Наши вещи еще никогда не лежали в таком порядке. В шкафу на плечиках висят отглаженные платья и даже футболки. А в ящиках ровными стопочками сложено белье и всякие мелочи. Идеально, но мне все равно не нравится.

– А где наши книжки? – интересуюсь спокойно. От моего раздражения не осталось и следа. Что толку выговаривать измотанной горничной, если мы собрались сбежать.

Жаль ее труд. Ну и мне придется все складывать обратно.

– Книги и игрушки здесь, – Настя возвращается в комнату. Быстро выдвигает ящики стола. Тоже ровные стопочки Лизкиных книжечек. Плюс фломастеры и раскраски. Весь нехитрый скарб, способный развлечь ребенка дорогой.

– Все в порядке? – напряженно спрашивает горничная. Заглядывает в глаза. Видать, боится потерять работу.

– Да, спасибо, – киваю я, наблюдая за Елизаветой, подскочившей к столу. Дочка деловито что-то ищет. А достав книжку с ламинированными толстыми страницами, усаживается за стол.

– Мам, намочи, – просит, протягивая мне маленький замшевый лоскуток.

– Я сделаю, Лизочек, – перехватывает тряпицу Настя. Спешит в санузел. А когда возвращается обратно, в изумлении смотрит, как моя дочь деловито стирает прежние рисунки, сделанные фломастером.

– Ой чего только не придумают! – вздыхает она, направляясь к двери.

Сейчас уйдет и нужно будет сбегать на соседнюю виллу. Попросить Ярика...

Только я могла так облажаться!

В пляжной сумке надрывно звенит сотовый. Тот самый знакомый рингтон, которого я боюсь больше всего на свете. Необязательно брать телефон в руки. Я и так знаю этот злощастный номер, заканчивающийся на три двойки.

По нашему давнему уговору с отцом я не беру трубку. Такой звонок означает только одно. Хватай Лизу и беги.

Но я сейчас застываю на месте. Пытаюсь выровнять дыхание. Все еще не веря, что прошлые беды снова вернулись в мою жизнь.

Обхватив горло ладонью, стараюсь справиться с подступившим спазмом.

«Дыши. Умоляю тебя, дыши, – велю самой себе. И не сразу замечаю обеспокоенное лицо горничной.

– Вам плохо? – причитает она и на всех парах несется вон из спальни, забыв закрыть дверь. Бежит куда-то по коридору. Стучит в дверь.

Идиотка какая-то!

Чуть ли ни сразу в дверном проеме появляется насупленный Шершнев, а за его спиной маячит встревоженный Яро-слав.

И если минуту назад мне срочно требовалось удрать с виллы куда подальше, то сейчас – нужен тихий угол. Затаиться на долгое время. Спутать карты моим врагам.

Что ж, для этого предложение Матвея подходит идеально!

Матвей. Она согласна!

«Я тебя дожду, – мысленно обращаюсь к Кристине. Пристально вглядываюсь в синюю гладь моря. Сама не заметишь как выйдешь замуж. Тогда моя милая мачеха не посмеет сделать заказ. Что ж за женщина такая, – вздыхаю, размышляя об Инне. – Почему ей всегда нужно кому-то нагадить? Не может без этого...»

А увидев, как по аллее к дому спешит Ярик, спускаюсь навстречу.

Решил приударить за нашей наследной принцессой? Не выйдет. Место занято. Кто раньше встал, того и тапки...

Чувствую как в груди закипает злость. Не злость даже, а самая настоящая ревность. Прислушиваюсь к себе. Пытаюсь унять дикую ярость. И тут же осаживаю себя.

«Она еще не согласилась, придурок!»

А вглядевшись в хмурое лицо соседа, понимаю что ошибся. Что же случилось, твою мать!

– В Ницце вандалы ворвались в контору и все перевернули

там вверх дном, – заявляет он без предисловий.

Да мне и так все ясно. Офис в Ницце у нас только один. Моего брата. Чем занимался Роман я так и не смог понять. Но видимо нарвался по-крупному на какого-то мафиози. Как итог, Ромку нашли повешенным на чердаке, а вот его девушка, Китти, исчезла бесследно.

– Точные сведения? – вскидываюсь, желая понять, чем нам грозит такое известие.

– За домом наблюдает наш человек. Ошибки быть не может. Среди ночи подъехал фургон, оттуда вышли молодчики в черном. Перевернули обе комнаты верх дном. Ломали мебель и срывали полы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.